

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Р.А. Иванова

Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия

raisaiivanova2013@yandex.ru

Исследование посвящено философскому осмыслению влияния социокультурных факторов на становление современной теории коммуникации. Источником наблюдаемого нами разобшенного разнообразия современных коммуникативных исследований выступает прежде всего многоаспектность самого явления. Разнонаправленность исследований коммуникации также является следствием подверженности исследователей влиянию определенных социокультурных факторов. В статье ставится задача обозначить ряд социокультурных детерминант, обусловивших динамику развития коммуникативных штудий XX – начала XXI в., и прояснить механизмы и процедуры их влияния на формирование теории коммуникации. На основе лингвохронологического подхода к современным исследованиям коммуникации прослежены определенные интенции генезиса коммуникативной теории, порожденные состоянием социокультурного бэкграунда коммуникативных исследований. Выявлен ряд существенных социокультурных детерминант, среди которых высокий уровень внутренней автономии исследователей и диссонанс исследовательских культурно-языковых хронотопов. В этом же ряду расположено и влияние социокультурных событий извне (особенно в тех случаях, когда события затрагивают глубинные пласты жизнедеятельности общества).

Ключевые слова: социокультурная детерминанта, исследования коммуникации, современная теория коммуникации, генезис коммуникативной теории, социокультурное событие, лингвохронологическая матрица, социокультурные интенции.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-81-93

В статье приведен краткий перечень основных социокультурных факторов, повлиявших на генезис современных коммуникативных исследований. *Предметом исследования* выступают предпосылки становления теории коммуникации в XX – начале XXI в. Мы полагаем возможным на фоне онтогенеза теории коммуникации проследить события социокультурного характера, которые задали вектор развития коммуникативных исследований и обусловили формирование определенных исследовательских тенденций. Соответственно, *цель статьи* заключается в фактологической верификации известного положения

о социокультурной детерминации современных коммуникативных исследований. В качестве *результата* мы планируем обозначить ряд социокультурных факторов, обусловивших диапазон исследовательских интенций в рамках теории коммуникации. Мы не исключаем того, что процедура ранжирования социокультурных обстоятельств, на фоне которых осуществлялись исследования коммуникации, поможет упорядочить существующий ныне методологический хаос коммуникативных штудий.

Новизна исследования заключается в использовании лингвохронологической ма-

трицы для упорядочивания и анализа исследований коммуникации. Под лингвохронологической матрицей подразумевается упорядочивание коммуникативных исследований по году и языку издания работы. Такой подход позволил, во-первых, обнаружить лежащие в их основе неочевидные социокультурные интенции и, во-вторых, по-новому истолковать уже имеющиеся данные. Преимущество интерпретации такого характера заключается в распознавании проблемных поясов, тематически специфицирующих направления исследований.

По нашему мнению, весь массив коммуникативных штудий можно разделить на специальные и контекстуальные исследования. Предметом специальных исследований является непосредственно коммуникация: в текстах в качестве ключевого появляется термин «коммуникация» и делаются попытки ответить на вопрос, *что* есть коммуникация. Ряд ученых, однако, не ставит своей целью выработку автономного понимания коммуникации. Исследования, не имеющие интенций к целостности, мы назвали *контекстуальными*. Предметом таких исследований может быть всё, что связано с коммуникацией: от частных случаев коммуникации до практической применимости сплава идей о чем-то связанном с коммуникацией [14].

В итоге теория коммуникации является сегодня довольно громоздким и спутанным конгломератом подходов, идей и концепций. Среди всего этого нелегко, а чаще всего просто невозможно найти собственно теорию как высшую и самую развитую форму научного знания. Идеи и концепции, представленные в упомянутом конгломерате, сами по себе не являются неверными или бесполезными: но фокусируясь на

некой, пусть и интересной, частности, они остаются односторонними.

Авторы подавляющего большинства теорий коммуникации не особенно задаются вопросом их соответствия таким стандартным методологическим требованиям («регулятивам», по Л.Б. Баженову), как проверяемость теории, ее устремленность к максимальной общности и предсказательной силе, к принципиальной простоте и системности. Большую часть коммуникативных теорий сложно подтвердить. В рамках этих теорий зачастую невозможен выход за пределы диапазона объяснения объектов, первоначально охватываемых теоретическим построением. Но в философии науки непроверяемой конструкцией справедливо считается именно та, которая специально подбирается для объяснения непосредственно наблюдаемых опытных фактов и ничего, кроме них, обосновать не может [1, с. 102]. В итоге такая теория оказывается несостоятельной при попытке ее распространения на новую предметную область.

Хорошая теория исходит из очень немногих принципов, но объясняет широкий круг явлений. В совершенной теории коммуникации за множеством частных теоретических схем может быть обнаружена некая общая и весьма лаконичная основа, которая объединит все исследованные коммуникативными теориями аспекты в некую систему. Теория коммуникации в нынешнем своем состоянии несомненно обладает богатством теоретических построений и высоким теоретическим потенциалом. Однако этот потенциал остается нереализованным до тех пор, пока существующие построения остаются изолированными друг от друга, не связанными воедино ячейками теоретической сетки.

Особенно удручает нескоординированность специальных исследований коммуникации. Ученые-коммуникативисты, как правило, не согласуют свои теоретические изыскания с результатами изысканий предшественников. Никто не обращает внимания и на причины нынешнего разрозненного состояния коммуникативистики. Почему так происходит? Действительно ли исследования коммуникации обречены на сумбур многоаспектностью самого явления? Или, может быть, теоретическая раздробленность коммуникативных штудий обусловлена тщеславием ученых?

Вероятнее всего, в качестве причин выступает некий комплекс факторов.

В попытках нащупать причину неоправданной пестроты теории коммуникации сведем некоторые наблюдения эмпирического свойства в лингвохронологическую матрицу коммуникативных исследований. Сразу оговорим, что представленная нами номенклатура не исчерпывает все осуществленные оригинальные исследования. Совокупность высказанных идей репрезентативна в том смысле, что она образует «ядро» всей теории коммуникации и основание для ее дальнейшего развития.

Лингвохронологическая матрица коммуникативных исследований

Год	Автор, программная работа	Язык публикации	Концепция	Концепты
1918	Г. Шпет <i>«Герменевтика и ее проблемы»</i>	Rus	Феноменологическая	Контекст, Другой, мотивация, коммуникант-автор, динамика понимания
1922	М. Бубер <i>«Я и Ты»</i>	De	Диалогическая	Другой, открытость, расположенность, взаимность
1930	С. Франк <i>«Духовные основы общества»</i>	Rus	Симбиотическая	Личностная субъектность, личностное слияние
1948	К. Шеннон <i>«Современные достижения теории связи»</i>	Eng	Уровневая	Информационная трансмиссия, уровневая градация коммуникации
1949	К. Ясперс <i>«Смысл и назначение истории»</i>	De	Экзистенциалистская	Уровни коммуникативной подлинности
1953	Т. Ньюкомб <i>«Подход к исследованию коммуникативных актов»</i>	Eng	Симметричная	Коммуникативная симметрия, коммуникативная связь
1959	И. Гоффман <i>«Представление себя другим в повседневной жизни»</i>	Eng	Перформансная	Впечатление
1961	Р. Якобсон <i>«Язык по отношению к другим средствам связи»</i>	Eng	Корреспондентская	Контакт, контекст, код
1964	М. МакЛюэн <i>«Понимание медиа: расширение человека»</i>	Eng	Корреспондентская	Средства коммуникации, сообщение

Продолжение таблицы

Год	Автор, программная работа	Язык публика- ции	Концепция	Концепты
1968	У. Эко <i>«Отсутствующая структура. Введение в медиологию»</i>	It	Семиотиче- ская	Сообщение, код, контекст, элементарная коммуникативная структура, уровни коммуникативной сложности
1969	П. Рикёр <i>«Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике»</i>	Fr	Диалогическая	Другой, экзистенциальная эмерджентность
1971	Э. Гильдебрандт <i>«Метафизика коммуникации. Исследование сущности и ценно- сти общественных отношений»</i>	De	Метафизиче- ская	Взаимность, контакт, степень реализации контакта
1974	А. Шюц <i>«Структура повседневного мышления»</i>	De	Интерсубъек- тивная	Коммуникативный контакт, интерсубъективность
1978	Т. ван Дейк <i>«Язык. Познание. Коммуникация»</i>	Eng	Ситуативно- событийная	Коммуникативная тема, обмен
1980	Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст <i>«Речевые акты в аргументирующих дискуссиях»</i>	Eng	Аргументатив- ная	Влияние
1983	Ю. Хабермас <i>«Моральное сознание и коммуникативное действие»</i>	De	Этическая	Нормы, Другой, ответственность, коммуникативный акт, взаимопонимание
1987	Ж.П. Бодрийяр <i>«Экстаз коммуникации»</i>	Fr	Семиотиче- ская	Взаимность, коммуникативная подлинность, коммуникативная симуляция
1988	К. Апель <i>«Дискурс и ответственность: проблема перехода к постконвенциональной морали»</i>	De	Этическая	Нормы, Другой, ответственность, взаимопонимание
1989	П. Грайс <i>«Studies in the way of words»</i>	Eng	Кооператив- ная	Количество, качество, способ осуществления коммуникации, релевантность
1990	Ю. Лотман <i>«Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история»</i>	Ru	Протокорре- спондентская	Претекст, коммуникативный код, взаимное влечение, аутокоммуникация
1994	М. Бахтин <i>«Литературно-критические статьи»</i>	Ru	Структура- листско-диа- логическая	Ограниченность коммуникативного акта, контекст, коммуникативный замысел, диалог, отправитель, получатель

Окончание таблицы

Год	Автор, программная работа	Язык публикации	Концепция	Концепты
1996	А. Пятигорский <i>«Избранные труды»</i>	Ru	Текстовая	Текст, Другой, коммуникативная связь
1997	Н. Луман <i>«Общество как социальная система»</i>	De	Игнористическая	Предпосылки, условия, атрибуты коммуникации
2003	Ж. ла Кофф <i>«Метафоры, которыми мы живем»</i>	Eng	Метафорическая	Процессуальность коммуникации, диалогичность, субъектность, концептуальность

Наличие третьего столбца с указанием языка публикации программных трудов («программных» – в смысле акцента на коммуникации) для нас принципиально. Язык публикации, на наш взгляд, указывает на один из факторов, способствующих теоретической рассогласованности. Этот фактор обычно не попадает в методологический фокус рассмотрения. Наряду с изначальной полиаспектностью коммуникации, вместе с сильной внутренней автономией исследователей, не желающих считаться с наработками коллег, существует также еще один важный «агент влияния» – это диссонанс культурных и языковых хронотопов, в которых реально работали исследователи коммуникации. Часто они просто не могли ознакомиться с трудами своих предшественников в силу языковых барьеров, о чем свидетельствует выстроенная нами лингвохронологическая матрица. Так, первые переводы трудов Г. Шпета появились одновременно на английском и немецком языках только в начале 1980-х годов [6]. Вероятность того, что кто-то из западных исследователей знал русский язык и имел доступ к трудам упомянутого автора (Интернета ведь не было!), пренебрежимо мала. Поэтому многие идеи, изложенные Шпетом в его трудах первой четверти XX века,

были гораздо позже переоткрыты М. Бубером, К. Ясперсом, П. Рикёром, А. Шюцем, Э. Гильдебрандтом и даже Ю. Хабермасом. Таково влияние лингвистической десинхронии, отягощенной невозможностью быстрого распространения информации.

Вторая разновидность рассогласования может быть проиллюстрирована исследовательским рядом Ж. Бодрийяр – К. Апель – П. Грайс – Ю. Лотман. Она обнаруживается в плодотворные годы (1987–1990 гг.) – в период, когда каждая-нибудь серьезная работа по коммуникации. Как Апель мог ознакомиться с трудами Бодрийяра, Грайс – с трудами Бодрийяра и Апеля, а Лотман – с трудами всех троих? Ведь работа Бодрийяра издана в 1987 году на французском языке, работа Апеля – в 1988 году на немецком языке, труд Грайса – на английском в 1989-м и, наконец, исследование Лотмана – на русском языке в 1990 году. К. Апель владел немецким и английским, однако перевод Бодрийяра на английский или немецкий вряд ли появился в 1987 году. Но даже если таковой и появился, то Апель свое исследование уже провел и готовил полученные результаты к публикации. П. Грайс, истинно английский джентльмен, вероятно, считавший излишним изучение каких-либо иных

языков, кроме родного английского, может послужить надлежащим завершением этого ряда рассогласования.

Также не способствует росту согласованности молчаливое согласие о допустимости разобщенности коммуникативных исследований. Такого рода автономия превалирует в области коммуникативных теорий потому, что их разработчики могут позволить себе эту вольность. Во всяком случае, синхронизация специальных исследований коммуникации не является неизбежной: даже в рамках изучения одних и тех же аспектов акцентируются различные их грани, в итоге представляемые отдельными концептами. Кроме того, практически у каждого именитого специального исследования есть свои горячие последователи. «Фанаты» формируют группы контекстуальных концепций, заимствующие у «кумиров» в качестве идейной основы какой-нибудь аспект. В дальнейшем осуществленная рецепция становится парадигмой, «призмой» рассмотрения коммуникативного процесса. Эта процедура завершается наращиванием оболочки практического дискурса вокруг добытой ценной идеи. И если он обладает актуальностью в какой-нибудь сфере деятельности, то большего не требуется.

В этом смысле показательна теория диалектики отношений Лесли Бакстер и Барбары Монтгомери, проводящих контекстуальные исследования коммуникации, способствующей близким отношениям («горячие последователи»). Теория диалектики отношений имеет в своей основе идеи Михаила Бахтина («именитая» теория), рассматривающего диалектическую напряженность как «глубокую структуру» всего человеческого опыта: некая сила притягивает нас к другим и одновременно другая сила

отталкивает нас друг от друга. В отличие от гегельянской системы «тезис–антитезис–синтез», «слияние–сцепление» М. Бахтина не имеет конечного статичного разрешения и находится в постоянной динамике. Нет конечного слияния, нет завершающей стадии равновесия, отношения всегда находятся в движении [3, с. 236].

Концепция Бакстер и Монтгомери, вероятно, может быть эффективной в сфере разрешения проблем межличностных взаимодействий, особенно семейных конфликтов. Однако, несмотря на свою инструментальную полезность, она не приближает нас ни к пониманию того, что же такое коммуникация, ни к прояснению механизмов ее осуществления за пределами формирования близких личных отношений – ведь коммуникация не обязательно представляет собой близкие личные отношения. Иными словами, практически состоятельная концепция в итоге оказывается теоретически неоформленным комплексом идей.

Но вернемся к нашей матрице. Оживленное изучение коммуникации длится с 1918 года до конца XX века. «Бум» приходится на 1960–2000-е годы. На протяжении этого периода в среднем каждые два года появлялось какое-нибудь заметное исследование коммуникации, вносящее коррективы или уточнения в компендум уже имеющихся коммуникативных исследований. Такое распределение коммуникативных исследований не случайно – они сопровождают события, имеющие последствия для всего человечества, что позволяет предположить их социокультурную детерминированность. Факт детерминации исследовательских поисков социокультурными условиями надежно установлен многими исследователями, среди которых Дж. Агасси,

Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд, П. Полани, К. Хюбнер и другие. Особенно очевидно это обстоятельство в отношении цивилизационной динамики (А. Тойнби, О. Шпенглер, Л. Морган, О. Тоффлер и прочие). В русле этой традиции мы бы хотели обратить внимание на некоторые воздействия со стороны социокультурных условий на развитие теории коммуникации.

Таких иницилирующих исследовательскую активность событий в XX веке, с нашей точки зрения, было пять: Первая мировая война, Вторая мировая война, появление и массовое распространение цветного телевидения, затем персонального компьютера и Интернета. Ни в коем случае не пытаясь сравнивать или сопоставлять такие события, как становление информационно-технологической цивилизации и мировые войны, мы обращаем внимание на то, что они существенно влияют на всё множество культурных аспектов, в том числе и на направление коммуникативных поисков. Критерием, объединяющим упомянутые события в единый смысловой кластер, является та самая «субъективная сторона социальных отношений», о которой говорит Р. Джонсон в своей статье «Так что же такое социокультурные исследования?». В частности, он показывает наличие субъективности, которая внерефлексивна, т. е. не осознается исследователем культурных явлений. Наличие этого рода субъективности подразумевает, например, возможность того, что некоторые элементы или импульсы являются субъективно активными – они движут нами, оставаясь при этом неосознанными [9, с. 80, 81]. А субъективность, в свою очередь, складывается под влиянием социокультурных факторов – она не существует в априорном качестве. И чем значимее социокультурное явление, чем большее

жизненное пространство оно охватывает, тем более сильным фактором влияния оно выступает. Наши пять упомянутых событий послужили факторами, спровоцировавшими многие культурные явления, и среди них коммуникативные исследования определенного характера.

Первая мировая война 1914–1918 годов стимулирует появление текстов Г. Шпета (1918), М. Бубера (1922) и С. Франка (1930). Временной разрыв от двух до пятнадцати лет между датой события (стимула) и датой текста (реакции) здесь объясним: в него вмещается процесс осмысления события, написания текста, подготовка труда к публикации и непосредственно сама процедура публикации. Ужасы войны и обезличивание субъекта военного времени обусловили чуткость исследователей к человеческим экзистенциалам: к Другому, к диалогу с Другим и к ментальным симбиотическим отношениям с Другим как к возможному благу. Все эти замечательные идеи могли бы воспрепятствовать новой войне, но этого, как мы знаем, не случилось, и в 1939–1945 годах война повторилась. На этот раз – Вторая мировая война, еще более жестокая и затяжная. К группе мыслителей, отозвавшихся на коммуникативную абсурдность этой бойни, следует отнести К. Шеннона, К. Ясперса и Т. Ньюкомба.

Предельную степень обезличивания субъекта, имевшую место в период Второй мировой войны, описал и проанализировал в своей работе «Сказать жизни “Да”. Психолог в концлагере» переживший ужасы концлагерной жизни В. Франкл. Речь идет «о том обесценивании, которому подвергалось всё, что не служило непосредственно сохранению жизни. О действительности, которая ничего не желает знать о ценности человеческой жизни, о значимости лично-

сти, которая превращает человека в безответный объект уничтожения, – под воздействием чего, в конце концов, обесценивается собственное Я» [9, с. 71, 72]. Превращаясь в игрушку прихотей судьбы, человек теряет ощущение себя как субъекта. Любая война обезличивает среднестатистического человека, однако масштабы десубъективизации в контексте Первой и Второй мировых войн ошеломляют: во-первых, во время войн деконструкция субъекта достигла своего предела, во-вторых, об этом вскоре стало известно всему миру. То есть событие обезличивания субъекта было в некотором смысле «опубликовано», предано гласности (и тем самым обрело себя как таковое). Вероятно, от такого шока можно было оправиться только культивацией убежденности в том, что именно диалог с Другим мог бы стать некоторого рода панацеей от повторения подобных явлений впредь, и воспрепятствовать если и не возникновению конфликта как такового, то его эскалации. И жажда симбиотических отношений единения с другим субъектом вполне укладывается в эту логику, в свете которой устремленность к гиперболизации личностного начала во взаимодействии с другим человеком представляется обостренной тоской по возврату утраченной субъективности, которую, как оказалось, можно так легко уничтожить.

Молодой американский математик Клод Шеннон участвовал в становлении теории коммуникации примерно так же, как США участвовали во Второй мировой войне: без вовлечения в «пограничную ситуацию» с ее экзистенциальной глубиной. «Линейная модель коммуникации» [10] – детище К. Шеннона, видимо, очарованного Энигмой и информационной стороной события. Совсем не так отреагировал не-

мецкий философ К. Ясперс – его реакция была схожа с реакцией группы мыслителей первого послевоенного периода XX века. Более того, К. Ясперс пошел дальше, чем в свое время М. Бубер – он обратился не к явлению Другого, а (через призму коммуникативности) к сущности человеческой экзистенции вообще, к концепту «пограничной ситуации». В свою очередь, Т. Ньюкомб предпринял попытку разяснить значение выравнивания межсубъектных взаимоотношений коммуникантов [8, с. 232].

Следующий социокультурный толчок и, соответственно, «вспышку» коммуникативных исследований можно датировать 18 декабря 1953 года. Тогда в США был утвержден стандарт NTSC – первый стандарт массового цветного телевидения [7]. В этот же год на американском рынке появились цветные телевизоры, поначалу очень дорогие, и в течение нескольких лет телевизор уверенно занял главное место в интерьере стандартного западного жилища. Интеллектуальной реакцией на столь резкое внедрение TV-технологий в повседневный обиход стала рефлексия И. Гофмана, который редуцировал коммуникацию к процессу циркуляции впечатлений друг о друге в социуме [2, с. 34]. Этот шаг весьма созвучен с основным негласно культивируемым телевизионным принципом: за картинкой нет реальности, картинка и есть реальность. Вызванные картинкой эмоции претендуют на большую реальность, чем эмоции, порожденные самой реальностью. Речь идет именно о цветном телевидении, которое помещает человека в мир картинки, поскольку черно-белое TV не приводило к настолько яркому эффекту присутствия.

Р. Якобсон, возможно, был впечатлен взглядом на телевидение как на особый

способ речи, когда обозначал языковые функции. Среди них – метаязыковая функция, которая выполняется, когда предметом речи становится сам код, нуждающийся в интерпретации. Поэтическая функция направлена на обнаружение дихотомии между знаками и предметами. Референтная же функция отсылает к объекту, о котором говорится в сообщении [11, с. 193–230]. Три эти функции излишни, если речь ведется только о естественных языках. Но такие функции осуществляются полноценно тогда, когда средством коммуникации является нечто конструирующее вторичную реальность, отличающуюся от первичной, естественно-языковой. Таковой и была телевизионная картинка.

Канадский философ М. Маклюэн, закрепивший в теории коммуникации уже общеизвестный тезис «The medium is the message», и вовсе поместил типологию средств коммуникации («горячие» и «прохладные») в центр своей коммуникативной концепции. Правда, он отнес телевидение к «прохладным» средствам, т. е. к тем, которые не требуют мгновенной отдачи, которые не интерактивны [15, с. 329–359]. Как бы то ни было, по мнению Маклюэна, изобретение новых технических средств всегда носит революционный характер. Телевидение смешивает на экране «одновременно все времена и пространства» и может любое незначительное сообщение превратить в важнейшее сообщение мирового масштаба.

Итальянский мыслитель У. Эко, который явно знаком с работами К. Шеннона и Р. Якобсона, сочетает их идеи с семиотическим подходом, получая в итоге оригинальную модель коммуникации как обусловленного культурой символического явления. Параллельно развитию экзистенци-

ально нейтральных концепций (И. Гоффмана, М. Маклюэна, Р. Якобсона и У. Эко) формируются концепции иного направления, которое в период предчувствий назревающего кризиса закономерно оказывается «в тренде». Концепции этого рода содержат в своем ядре концепт «Другого» (П. Рикёр, 1969), боль по «чистой коммуникации» (Э. Гильдебрандт, 1971), а также тоску по «хорошему коммуникативному контакту» (А. Шюц, 1974).

Первые компьютеры 1950-х годов были очень громоздкими устройствами. Один компьютер размещался в зале внушительных размеров, заставленном шкафами с электронным оборудованием. Эти гиганты работали на электронных лампах и, соответственно, дорого обходились. В 1975 году появился коммерчески распространяемый компьютер «Альтаир-8800», построенный на основе микропроцессора Intel-8080, за 25 лет уменьшенный до размеров персонального компьютера [5]. Для него уже не нужна была отдельная комната. В конце 1975 года Пол Аллен и Билл Гейтс создали для компьютера «Альтаир» интерпретатор языка Basic, что позволило пользователям достаточно просто общаться с компьютером и легко писать для него программы. Это облегчило обращение с компьютером и стало еще одним шагом на пути к популярности ПК. Многие фирмы занялись производством персональных компьютеров, они стали комплектоваться клавиатурой и монитором, спрос на них составил сотни тысяч штук в год. Росту объема продаж весьма способствовали многочисленные полезные программы, разработанные для деловых применений. В период с 1980 по 2000 год находящийся в процессе постоянной пользовательской оптимизации ПК занял в жилищах такую же прочную пози-

цию, как некогда телевизор, и даже стал вытеснять этот малофункциональный (в сравнении с компьютером) «ящик».

В 1990-х годах началось массовое распространение Интернета. И пока голландцы Т. ван Дейк и Ф. ван Еемерен занимались внетемпоральными коммуникативными темами, в частности коммуникацией в качестве аргументации, Ю. Хабермас в 1983 году и К. Апель в 1988 году воззвали к соблюдению коммуникативной этики под эгидой чувства коммуникативной ответственности. Это было как нельзя более актуально: такие мощные средства коммуникации, как телевизор и компьютер с Интернетом, сделали человека слишком уязвимым. Французский мыслитель Ж. Бодрийяр обнаружил открытость любой стороны человеческой жизни для симулирования [10, с. 126–133], в том числе и в первую очередь коммуникативной сферы. Появилась острая необходимость в очерчивании субъектных границ перед лицом массивной коммуникативной инвазии. В 1989 году П. Грайс призвал всех обеспокоенных не волноваться и «говорить по теме», т. е. руководствоваться в процессе осуществления коммуникативного акта максимами ясности и краткости передаваемой информации [13, с. 26]. Ибо коммуникация – это обмен подразумеваемыми, и вряд ли что-нибудь существенно на это может повлиять.

На Ю. Лотмана техническая революция не особенно повлияла. Он был занят полемикой с Р. Якобсоном относительно более глубокой темы – понимания коммуникативной структуры. В результате Ю. Лотман создал самобытную и завершенную концепцию коммуникации. В ней впервые осознанно вводится феномен «аутокоммуникации», о котором позднее (в 1997 году) будет говорить Н. Луман. Кроме того, в ра-

ботах Лотмана наличествует идея дотекстового сообщения (чем не «ментализ» Фодора?), а диалогичность помещена в фокус совокупно с проблемами кодировки смысла и его дальнейшей передачи. Примерно такой же оценки заслуживают, по нашему мнению, концепции М. Бахтина (1994), А. Пятигорского (1996), Н. Лумана (1997) и Ж. ла Коффа (2003).

Обобщая сказанное, можно обозначить ряд закономерностей в трансформации интенций исследований коммуникации, обусловленных социокультурными факторами. Во-первых, помня, что наука – это социальный институт, нельзя забывать и о том, что наукой занимаются живые люди, которым свойственны амбиции и предубеждения. Наукой занимаются ученые, статус которых предполагает культивирование особого чувства внутренней автономии, которая не может не сказываться на ходе исследований.

Следующей социокультурной детерминантой мы предлагаем считать диссонанс лингвокультурных хронотопов, в которых находились ученые, занимавшиеся специальными исследованиями коммуникации. Культурно-языковые барьеры препятствовали полноценному обмену результатами исследований и способствовали увеличению методологической разрозненности и фрагментации теоретического пространства коммуникативных исследований.

На основании событийно-хронологического анализа социокультурного контекста коммуникативных исследований мы выявили, что «вспышки» и смысловые интенции сущностных коммуникативных исследований являются реакцией на события и инновации, затрагивающие всё человечество.

Слабая состыковка теоретических построений не в последнюю очередь связана и с тем, что разные авторы анализируют устройство мира с разных онтологических и гносеологических позиций, акцентируют внимание на разных аспектах бытия, что отнюдь не способствует образованию единого коммуникативного дискурса. Различные исследования, по сути, изучают разные аспекты коммуникативных взаимодействий. Мы пока не имеем признанной единой онтологии, включающей в себя всю палитру коммуникативных взаимодействий – отсюда и рассогласованность в исследованиях коммуникации, которые в целом все верны, но только именно в том, чем они занимаются, в тех фрагментах, на которых они фокусируются.

Мы надеемся, что отдельные фрагменты теории коммуникации в виде коммуникативных исследований могут быть сопряжены в связанное целое. По крайней мере, полученные результаты могут составить звенья концептуального каркаса коммуникативной теории, в рамках которой существующие теоретические построения окажутся более скоординированными, нежели сейчас, что откроет для освоения пока незаполненные лакуны пространства исследований коммуникации.

Литература

1. *Баженов А.Б.* Стрoение и функции естественнонаучной теории. – М.: Наука, 1978. – 233 с.
2. *Гофман П.* Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000. – 299 с.
3. *Гриффин Э.* Коммуникация: теории и практики: пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, Науменко А.А., 2015. – 688 с.
4. *Джонсон Р.* Так что же такое культурные исследования? // Логос. – 2012. – № 1 (85). – С. 80–135.
5. История появления компьютера. Цифровой вектор [Электронный ресурс]. – URL: <http://v3ctor.ru/blog-saita/ne-mnogo-istorii/96-istoriya-poyavleniya-kompyutera> (дата обращения: 28.08.2017).
6. *Мазаева О.Г.* Густав Густавович Шпет и его наследие // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 1 (2). – С. 141–147.
7. *Маковеев В.* От черно-белого телевидения к киберпространству [Электронный ресурс] // Музей телевидения и радио в Интернете: веб-сайт. – URL: http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=4626&page=1 (дата обращения: 28.08.2017).
8. *Назарчук А.В.* Теория коммуникации в современной философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
9. *Франкл В.* Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. – М.: Смысл, 2007. – 173 с.
10. *Шеннон К.* Современные достижения теории связи // Информационное общество / под ред. А. Лактионова. – М., 2004. – 509 с.
11. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – 467 с.
12. *Baudrillard J.* Ecstasy of communication / translated by J. Johnston // The Anti-aesthetic: essays on postmodern culture / ed. by H. Foster. – Port Townsend: Bay Press, 1983. – P. 126–133.
13. *Grice P.* Studies in the way of words. – Cambridge: Harvard University Press, 1989. – 204 p.
14. *Ivanova R.A.* Methodological invariant of communication studies // Ученые записки ТНУ. Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 92–98.
15. *McLuhan M.* Understanding media: the extensions of man. – New York: McGraw Hill, 1964. – 396 p.

SOCIOCULTURAL DETERMINANTS OF THE MODERN COMMUNICATION THEORY

R.A. Ivanova

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation

raisaiwanova2013@yandex.ru.

The research is devoted to philosophical reflection on the impact of socio-cultural factors on the modern theory of communication development. The source of the observed diversity of the disunity of modern communication research primarily contains in the multidimensional nature of the phenomenon. Multidirectionality of communication studies is also a consequence of the researchers' aptitude to the influence of certain socio-cultural factors. The article offers the challenge to outline a number of socio-cultural determinants that caused the dynamics of communication studies of the XX – the beginning of the XXI centuries and to clarify the mechanisms, procedures of their influence on the formation of the theory of communication. As a result of linguistic and chronological approach to modern communication research in the article the author traces the genesis of certain intentions of the communicative theory generated by the state of social and cultural backgrounds of the implemented communication studies. There is a revealed number of significant socio-cultural determinants based on the analysis conducted by the author, such as: a high level of internal autonomy of researchers and research dissonance of cultural and linguistic chronotopes. The impact of social and cultural events from the outside (especially in cases when the events affect the deep layers of society) is located in the same row. Actually, the purpose of the article is a factual verification of generally known terms of the socio-cultural determination of modern communication studies. As a result, we plan to designate a number of socio-cultural factors behind a range of the research intentions in the framework of the theory of communication.

Keywords: socio-cultural determinant, communication studies, modern communication theory, the genesis of communicative theory, socio-cultural event, linguistic-chronological matrix, socio-cultural intentions.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-81-93

References

1. Bazhenov L.B. *Stroenie i funktsii estestvennonauchnoi teorii* [The structure and functions of natural science theory]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 233 p.
2. Goffman E. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [The presentation self in every day life]. Moscow, Kanon-press-Ts Publ., 2000. 299 p. (In Russian).
3. Griffin E. *Kommunikatsiya: teorii i praktiki* [A first look at communication theory]. Translated from English. Khar'kov, Gumanitarnyi tsentr, Naumenko A.A. Publ., 2015. 688 p. (In Russian).
4. Dzhonson R. *Tak chto zhe takoe kul'turnye issledovaniya?* [What the cultural studies are?]. *Logos*, 2012, no. 1 (85), pp. 80–135.
5. *Istoriya poyavleniya komp'yutera. Tsifrovoy vektor* [The history of computer origin. The digital vector]. Available at: <http://v3ctor.ru/blog-saita/nemnogo-istorii/96-istoriya-poyavleniya-kompyutera> (accessed 28.08.2017).
6. Mazaeva O.G. *Gustav Gustavovich Shpet i ego nasledie* [Gustav Shpet and his heritage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2008, no. 1 (2), pp. 141–147.
7. Makoveev V. *Ot cherno-belogo televide-niya k kiberprostranstvu* [From monochrome television to cyberspace]. *Muzei televideniya i radio v Internete* [The museum of the television and radio in the Web]. Available at: <http://www.tvmuseum>.

ru/catalog.asp?ob_no=4626&page=1 (accessed 28.08.2017).

8. Nazarchuk A.V. *Teoriya kommunikatsii v sovremennoi filosofii* [Communication theory in modern philosophy]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2009. 320 p.

9. Frankl V. *Skazat' zhizni "Da": psikholog v koncentracii* [Saying life «Yes»: a psychologist in a concentration camp]. Moscow, Smysl Publ., 2007. 173 p. (In Russian).

10. Shannon C. *Sovremennye dostizheniya teorii svyazi* [The modern attainments of the connection theory]. *Informatsionnoe obshchestvo* [Information society]. Ed. by A. Laktionov. Moscow, 2004. 509 p. (In Russian).

11. Jakobson R. *Lingvistika i poetika* [The linguistics and the poetics]. *Strukturalizm: "za" i "pro-*

tiv" [Structuralism: "for" and "against"]. Moscow, 1975. 467 p. (In Russian).

12. Baudrillard J. *Ecstasy of communication*. Translated by J. Johnston. *The Anti-aesthetic: essays on postmodern culture*. Ed. by H. Foster. Port Townsend, Bay Press, 1983, pp. 126–133.

13. Grice P. *Studies in the way of words*. Cambridge, Harvard University Press, 1989. 204 p.

14. Ivanova R.A. Methodological invariant of communication studies. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya – Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political Sciences. Sociology*, 2014, vol. 27 (66), no. 3, pp. 92–98.

15. McLuhan M. *Understanding media: the extensions of man*. New York, McGraw Hill, 1964. 396 p.